

Чельшев Павел Валентинович

ЧИСЛОВАЯ СИМВОЛИКА АНТИЧНОЙ МИФОЛОГИИ НА ПРИМЕРЕ ЭПИЧЕСКИХ ПОЭМ ГЕСИОДА И ГОМЕРА

В статье рассмотрен числовой символизм античной мифологии на примере эпических поэм Гесиода и Гомера. Числа-символы рассматриваются как модели, порождающие бесконечный ряд событий и указывающие на степень их "полноты" и реализованности в мифологическом времени и пространстве. Показано, что число как символ является мостом между видимой количественной характеристикой события и внутренним его культурным содержанием, которое интуитивно подразумевается в смысловом коде культуры.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/4/63.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 4(78) С. 213-216. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

21. Царская грамота кузнецкому воеводе Петру Дубровскому и роспись томских служилых людей о том, какими местами и в какое время идти войной на киргиз, живущих по рекам Абакану, Уйбату и Упсе № 104 от 27 марта 1683 г. // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1842. Т. V. 1676-1700. С. 165-167.
22. Царская грамота кузнецкому воеводе Сытину о переговорах с черными калмыками, чтобы они не чинили набегов и грабежей в ясачных волостях № 26 от 30 августа 1648 г. // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1842. Т. IV. 1645-1676. С. 59-60.
23. Шевцов В. В. «Томские губернские ведомости» (1857-1917 гг.) в социокультурном и информационном пространстве Сибири. Томск: Томский государственный университет, 2012. 414 с.

PROVINCIAL TOWN KUZNETSK IN N. A. KOSTROV'S WORKS (THE SECOND HALF OF THE 1860S – THE 1870S)

Khudoleev Aleksei Nikolaevich, Doctor in History, Associate Professor
Novokuznetsk Institute (Branch) of Kemerovo State University
khudoleev73@mail.ru

The article examines the problem of representing Kuznetsk's history in works by Tomsk official Nikolai Alekseevich Kostrov published in the pages of "Tomsk Provincial Bulletin" in the second half of the 1860s – the 1870s. The paper analyzes N. A. Kostrov's approaches to studying Kuznetsk's history, evaluates representativeness of the sources. The researcher justifies a conclusion that N. A. Kostrov's historical and ethnographical papers laid the firm basis for further studies of Kuznetsk's history at the turn of the XIX-XX centuries.

Key words and phrases: historical ethnography; Siberia studies; Tomsk province; Kuznetsk district; Kuznetsk fortress; N. A. Kostrov; Tomsk Provincial Bulletin.

УДК 13(130.2)

Философские науки

В статье рассмотрен числовой символизм античной мифологии на примере эпических поэм Гесиода и Гомера. Числа-символы рассматриваются как модели, порождающие бесконечный ряд событий и указывающие на степень их «полноты» и реализованности в мифологическом времени и пространстве. Показано, что число как символ является мостом между видимой количественной характеристикой события и внутренним его культурным содержанием, которое интуитивно подразумевается в смысловом коде культуры.

Ключевые слова и фразы: античность; Гесиод; Гомер; культура; математика; мифология; Пифагор; Платон; символ; число.

Чельшев Павел Валентинович, д. филос. н., профессор

Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС», г. Москва
Simeon5@rambler.ru

ЧИСЛОВАЯ СИМВОЛИКА АНТИЧНОЙ МИФОЛОГИИ НА ПРИМЕРЕ ЭПИЧЕСКИХ ПОЭМ ГЕСИОДА И ГОМЕРА

Символ всегда «указывает не на самого себя, но на нечто иное, чем сам он не является» [8, с. 198], он есть мост, соединяющий видимую (эмпирическую) и невидимую (духовную) реальности. Числовая символика в мифе выполняет аналогичную функцию, но только более строгим рациональным образом, раскрывая через количественные характеристики внутренние свойства и качества различных событий. Задача статьи будет состоять в том, чтобы проанализировать особенности числовой символики в античной мифологии на примере эпических поэм Гесиода и Гомера. Числа-символы будут рассматриваться как некие модели и общности, разлагаемые в беспредельный ряд, как функции, порождающие бесконечные переменные [Там же, с. 208-209].

Известно, что над воротами платоновской Академии была написана фраза: «Не знающий геометрии да не войдет сюда». Перефразируя это высказывание, можно было бы сказать, что человек, не знающий математики, не поймет до конца античную мифологию и культуру. О. Шпенглер полагал, что число всегда выражает определенное мироощущение народа, которое для той или иной культуры самоочевидно и не требует логического обоснования. Поэтому каждая культура порождала свою собственную математику [13, с. 201-247].

Имела такую математику и античность, которая знала числовой ряд от единицы до девяти. Так как число девять завершало числовой ряд, то оно рассматривалось в качестве его предела. Позднее пифагорейцы девятку называли «пределом всех чисел». Но в этом числе все же есть определенная неполнота, незавершенность и недостаточность. Поэтому восьмерка имела статус «сугубой недостаточности», а десятка в этом контексте, наоборот, приобретала противоположное значение и становилась числом «абсолютной полноты».

Поскольку ноль античной математике был неизвестен, постольку десятка образовывалось из девятки (число полноты), к которой прибавлялась единица – потенциальная полнота любого бытия. Отсюда ясно, что десятка уже без всяких сомнений рассматривалась в качестве числа абсолютного, как символ целостности, завершенности и совершенства. У пифагорейцев десятка стала универсальным числом мироздания, которое образовывалось из четырех первых чисел $1 + 2 + 3 + 4 = 10$. Из этого возникло теоретическое обоснование десятичной системы, а понятие «десять» стало символизировать само совершенство на целые столетия: «Число десять совершенно, оно справедливо для всех, как для греков, так и других людей, которые, даже не желая, вместили в него наш счет» [10, с. 30].

Известное высказывание Пифагора о том, что миром правит число, можно применить и к античной мифологии, в которой символика чисел играет значительную роль, выражая определенное мироощущение древних греков. В античной мифологии ни Гесиод в «Теогонии», ни Гомер в «Илиаде» никогда прямо не интерпретируют числовые характеристики вещей и событий, которые характеризуют эти самые события. Символические значения были интуитивно ясны в то время, но сейчас в связи с утратой или изменением культурного кода они требуют своего рационального понимания и объяснения.

К примеру, Гесиод в «Теогонии» при рассмотрении вопроса о происхождении первого поколения богов упоминает появление на свет Гекатонхейров или сторуких пятидесятиглавых великанов (Крота, Бриарея, Гиеса). Почему же Гесиод характеризует их именно как сторуких чудовищ? Это буйная фантазия поэта? Нет, в данном случае, числовой символизм точно указывает на стихийные силы природы, которые не поддаются никакому рациональному контролю. Основная интуиция Гесиода, обнаженная от всякой теории (ведь он был художником, а не теоретиком-ученым, как Пифагор), сводится к одной максиме: сотня рук данных великанов выражает «полноту полнот» (десятка – «полнота», возведенная в квадрат). Это число достаточно и необходимо для того, чтобы подчеркнуть предельную степень стихийности, непредсказуемости, неуправляемой мощи и дисгармоничности первоначальных сил природы, олицетворенных этими сторукими чудовищами. Поскольку они были предельно сильны и ужасны, постольку неуправляемы и ненавистны всем. Гесиод отчетливо говорит:

Целою сотней чудовищных рук размахивал каждый
Около плеч многомошных, меж плеч же у тех великанов
По пятьдесят поднималось голов из туловищ крепких.
Силой они неподступной и ростом большим обладали...
Были ужасны и стали отцу своему ненавистны
С первого взгляда [4, I 150-156].

Или рассмотрим такой важный сюжет античной мифологии, как титаномахия, или битва в Фессалии олимпийских богов с богами второго поколения – титанами, которая продолжалась десять лет и закончилась победой Зевса и его сторонников. Почему война продолжалась десять, а не пять, шесть, восемь или двадцать лет? По той простой причине, что Гесиоду надо было подчеркнуть максимальную степень важности и напряженности этой ужасной войны для утверждения нового космического порядка. Ведь новый порядок, разумность, законность и красота космоса постепенно создавались посредством страшных катаклизмов (войн богов), которые парадоксальным образом приводили мир к упорядоченности. Поэтому и указывается десятилетний период (полнота времени), во время которого шло сражение между олимпийцами и титанами. Ни меньше, ни больше.

Гесиод интуитивно понимал и символически в мифе выражал также и нравственную Правду космоса, конечно, так как ее понимали древние греки. К примеру, нравственные последствия ложной клятвы водами реки Стикс, персонифицирующей древнейший ужас и мрак Тартара, с неизбежностью приводили богов к бессилию и десятилетней социальной обособленности – символ полноты наказания:

Если, свершив той водой возлияние, ложною клятвой
Кто из богов поклянется, живущих на снежном Олимпе...
Десять он лет вдалеке от бессмертных богов обитает,
Ни на собрания, ни на пиры никогда к ним не ходит.
Десять лет напролет...
Так-то вот клясться богами положено нерушимой
Стиксовой древней водою, текущей меж скал каменных [Там же, 790-800].

Аналогично все события, которые описывает Гомер в «Илиаде», происходят именно на десятый год войны, когда наступала «полнота времен» и первая мировая война между Азией и Европой должна была бы завершиться тем или иным образом. Иначе говоря, реально могло пройти меньше или больше времени, но важно другое, что воюющие стороны сделали все, что возможно, все, что было в их силах для победы над врагом.

Обсуждая вопрос о необходимом количестве вождей для победы греков в Троянской войне, Гомер постоянно упоминает с их стороны Атридов, братьев Агамемнона и Менелая, Аякса Великого и Малого, Нестора, Диомеда, Одиссея, Ахиллеса и Идомея. Получается всего девять человек. А поскольку Ахиллес временно отошел от военных дел, поссорившись с Агамемноном, то вождей, реально участвующих в сражениях, оставалось восемь – число сугубой недостаточности, которое не позволяло грекам взять Трою штурмом. Более того, в этот момент сами греки терпят сокрушительное поражение от соперников. Троянцы по той же самой причине не могут победоносно закончить войну и спасти свой священный город. С их стороны упоминается царь Приам и старейшины – Панфой, Фимет, Клитий, Ламп, Гикетаон, Укалегон и Антенор –

всего восемь вождей, или число сугубой недостаточности [6, III 145]. Конечно, можно было бы добавить к этому списку Гектора, который непосредственно руководил защитой города, но и в этом случае получается всего девять человек. Е. А. Авдеенко подводит итог: «Нет у ахейцев сил, чтобы взять Троию штурмом, нет у троянцев мудрости, чтобы закончить войну миром» [1, с. 24].

А когда Агамемнон рассуждает о необходимом для победы количестве мудрых советников, тогда искренне сокрушается, что у него есть всего лишь один царь Пилоса Нестор, а для победы ему необходимо десять таких мудрецов. Даже упоминание героя-мудреца Паламеда ничего бы не изменило в этой ситуации, но его имени даже нет в «Илиаде».

Если б, о Зевс, наш родитель, и вы, Аполлон и Афина,
Десять таких у меня средь ахейцев советников было, –
Скоро бы город Приама властителя в прах превратился,
Нашими взятый руками и нами дотла разоренный [6, I 370-374].

Эта числовая символика действует и во всех других значимых случаях, например во время описания ратных подвигов. Так, в свои юные годы герой первого поколения Нестор был сильнейшим ратником. Не случайно во время войны с эпейцами в одном сражении он поразил их вождя Мулия и одновременно сто человек на пятидесяти колесницах (полнота полнот). Иначе говоря, человек увенчал себя славой в памяти потомков на все времена.

Я на врагов убегающих грянул, как черная буря,
Взял пятьдесят колесниц, и от каждой два ратоборца
Землю грызли зубами, сраженные пикой моею [Там же, XI 476-478].

Для сравнения напомним, что сильнейший воин данаев мирмидонец Ахиллес в «Илиаде» поразил двадцать три троянца, названных по имени, а всего свыше семидесяти человек, могучий Диомед – двадцать, а Аякс Великий – четырнадцать. Но первое поколение героев было значительно сильнее полубогов третьего поколения Троянской войны. Тем не менее и герои Троянской войны покрыли себя бессмертной славой. К примеру, чтобы возвеличить Диомеда, Гомер в пятой главе «Подвиги Диомеда» подробно описывает все его победы. Герой убивает в одном сражении одного за другим десять троянцев (число полноты), среди которых последним был знаменитый лучник Пандар, затем для закрепления результата ранит царевича Энея и защищавшую его богиню Афродиту. Наконец, чтобы ни у кого не было никаких сомнений в его воинских заслугах, поражает даже самого бога войны Ареса. Тринадцать побед за один раз. Вечная слава!

Числовая символика пронизывает и религиозный уклад героев «Илиады». Каждое важное общественное мероприятие начиналось и заканчивалось принесением гекатомбы, в идеале состоящей из ста быков. Это число выступает здесь символом «полноты полнот» ($10 \times 10 = 100$). Гекатомбу (максимально возможная жертва богам) приносили и отдельные люди в частном порядке в благодарность за какое-то благодеяние. Как сообщает Диоген Лаэртский, когда Пифагор «нашел, что в прямоугольном треугольнике квадрат гипотенузы равен квадрату катетов, то принёс богам гекатомбу» [7, VIII 11-12].

Итак, видно, что числовая символика помогает раскрыть внутренний смысл важнейших событий античной мифологии и культуры, придавая им глубокое духовное измерение. И точно так же, как в эпоху поздней античности единица и тройка стали символом Бога в христианстве, числовой ряд древней мифологии символически выражал все многообразие событий, происходящих с богами и людьми в космосе.

Список источников

1. Авдеенко Е. А. «Античная культура» в современной классической гимназии // Опыт православной педагогики. М.: Русский хронограф, 1999. С. 3-176.
2. Аполлодор. Мифологическая библиотека. М.: Наука, 1993. 214 с.
3. Волошинов А. В., Рязанова Н. В. Пифагорейское учение о числе: генезис числа как объекта культуры // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2011. Вып. 1. Т. 1. С. 336-342.
4. Гесиод. Теогония // Гесиод. Полное собрание текстов. Теогония. Труды и дни. Щит Геракла. Фрагменты / пер. В. В. Вересаева. М.: Лабиринт, 2001. С. 21-51.
5. Голосовкер Я. Э. Сказания о титанах. М.: Высшая школа, 1993. 320 с.
6. Гомер. Илиада // Гомер. Илиада и Одиссея / пер. Н. И. Гнедича. М.: Художественная литература, 1967. С. 21-416.
7. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986. 620 с.
8. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976. 367 с.
9. Мордовина Л. В., Ухарская А. Н. Числа как коды культуры // Аналитика культурологии. 2010. Вып. 16. С. 1-4.
10. Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней: в 4-х т. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1994. Т. I. Античность. 336 с.
11. Сергеев В. И. Нумерология и символика чисел в жизни людей и судьбе человечества (этнолингвистический этюд) // Вестник Чувашского университета. 2015. Вып. 4. С. 275-280.
12. Чельшев П. В., Котенева А. В. Очерки по истории мировой культуры: боги и герои античной мифологии. М.: МГГУ, 2013. 351 с.
13. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: в 2-х т. М.: Мысль, 1993. Т. 1. Гештальт и действительность. 663 с.

NUMBER SYMBOLISM OF ANCIENT MYTHOLOGY BY THE EXAMPLE OF HESIOD'S AND HOMER'S EPIC POEMS

Chelyshev Pavel Valentinovich, Doctor in Philosophy, Professor
National University of Science and Technology MISiS in Moscow
Simeon5@rambler.ru

The article deals with number symbolism of ancient mythology by the example of Homer's and Hesiod's epic poems. Numbers-symbols are regarded as models, which generate an endless series of events and indicate extent of their "completeness" and embodiment in mythological time and space. It is shown that number as a symbol is a bridge between visible quantitative characteristic of the event and its inner cultural content that is intuitively implied in the semantic code of culture.

Key words and phrases: antiquity; Hesiod; Homer; culture; mathematics; mythology; Pythagoras; Plato; symbol; number.

УДК 7; 78

Искусствоведение

Проблема автора весьма актуальна в сфере гуманитарных наук и музыковедения в частности. Для анализа феномена авторпрезентации в рамках данной работы привлекается междисциплинарная методология. Автор-композитор актуализирует коммуникативные и автокоммуникативные стратегии авторпрезентации. Отличительные свойства стратегии авторпрезентации реализуются благодаря возможности автора музыкального представлять собственное музыкальное творчество, а также систему взглядов, представлений, самоописаний.

Ключевые слова и фразы: авторологическая фигура; творческие стратегии; авторпрезентация; методологические основания; коммуникативные стратегии.

Чепеленко Ксения Олеговна, к. соц. н., доцент

Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А.
kseniya_ch@list.ru

КОМПОЗИТОР КАК АВТОРОЛОГИЧЕСКАЯ ФИГУРА ТВОРЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Доминантный вектор рефлексии, акцентирующий возрастающее внимание науки к антропологической составляющей современной картины мира, человеку как ее центру и главной духовной ценности, интерес к осмыслению феномена творческой профессии в рамках антропологии профессий как условию и возможности самореализации личности диктуют необходимость исследования предлагаемой к обсуждению темы.

Основное внимание здесь сосредоточено на дескрипции фигуры композитора в интерактивном пространстве его самопрезентативной практики в русле разработки *теории автора*. Междисциплинарная методология работы синтезирует концептуальные положения филологии, социологии, культурологии, психологии, искусствознания, создавая, таким образом, полипарадигмальное пространство теоретической рефлексии. В качестве определяющего методологического инструментария выступает авторепрезентативный подход, оснащенный соответствующей терминосистемой. Идея авторпрезентации – далеко не новая, постулирует мысль о том, что любой вид творческой деятельности всегда есть «художественное выражение, или самовыражение, авторпрезентация» [2].

Тематизация понятия *самопрезентация* позволяет определиться с содержанием творческих **субстратегий** автора-композитора. В самом общем смысле слова *авторпрезентация* – это поведенческий акт самовыражения, служащий коммуникативным целям. Как понятие социальной коммуникации, приобретенное в наше время междисциплинарный статус, *самопрезентация* интерпретируется каждой областью научного знания, исходя из специфики собственного предмета и категориального аппарата. Основным источником музыкальной авторпрезентации служит Я-концепция композитора, его возможность представлять и свое творчество, и систему взглядов, самоописаний в аспекте словесно-вербального выражения, актуализируя музыкальный и лингвистический каналы коммуникации. Этим обусловлена специфика вербально-невербальных субстратегий творчества автора-композитора.

Авторская проблематика филологических исследований адаптирована музыковедением. Приоритетные позиции здесь занимает профессор Астраханской консерватории Л. П. Казанцева. Философско-эстетическая концепция *автора художественного* развернута в монографии композитора, музыковеда-философа В. Мартынова («Конец времени композиторов»), из числа посвященных этой теме работ выделяются публикации Г. И. Ганзбурга («Образ автора в музыкальном произведении: Бах, Шуман, Рахманинов») и О. А. Губанова («Образ другого автора в музыке»). Избранный нами ракурс позволяет исследовать поведенческие паттерны